

Оглавление

ЧАСТЬ III

Глава 24. Скитания	7
Глава 25. Осколки чужих тайн	28
Глава 26. Тайна стража Цитадели	54
Глава 27. Обратный отсчет	80
Глава 28. Цена милосердия	106
Глава 29. Мгновения тишины	129
Глава 30. Под сенью яблонь	154

ЧАСТЬ IV

Глава 31. Ростки правды	185
Глава 32. Беда	204
Глава 33. По другую сторону маски	229
Глава 34. Находка в дыму	253
Глава 35. До утра	284
Глава 36. Слом	306
Глава 37. Истина у пекарни	339
Глава 38. Единение и раскол	362
Глава 39. Охотник во тьме	390
Глава 40. Секрет Стража Вселенной	420
Глава 41. В небе чудовищ	447

Эпilog. Легенда о времени	489
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ III

Глава 24

СКИТАНИЯ

Сначала он падал, летел бесконечно долго в колодец непрожитых дней. После — как после всего — сквозь мутные воды, из зазеркалья видений донесся чеканящим метрономом голос:

— Рана смертельная. Ты понимаешь? Такой разрыв селезенки у вас пока не умеют лечить.

Под ребрами черным зноем теснилась болезнь, сжигала душу, уводя в плетение снов. Он несся сквозь толщу воды, застенное море давило чужой темнотой. И тихо на дно уходило растерзанное тело. Он не умер, но чувствовал, что умирает. Голоса с другой стороны извивались криками, но он уже не различал имен и лиц. Ничто — единственный закон небытия.

— Понимаю.

Сосредоточенная покорность ответа, примерзшего к неразо-мкнутым губам. Общение умов не требует звуков. И они говорили, два бестелесных, два отринутых от мира живых, два духа в мире линий. Один предстал в броне древней птицы, другой, некогда звавшийся охотником, парил в окровавленном черном плаще.

— Ну что, Каменный Ворон, это и был конец моего пути? Больше никаких видений? Только тишина?

— Нет. Еще не конец. Далеко не конец.

Он увязал в бессмысленном вращении сквозь немую синеву, иссякали сны, образы и мысли. Он застывал, как горький монолит. Казалось, что уже воздвигли памятник. Но ледяной камень не протыкают иглами, и не бежит чужое тепло по скрученным канатам вен. И камню никогда не больно. А здесь, в колодце, боль служила ориентиром, последним безнадежным маяком. Он слышал вне времени зов из глубин и запретных пространств. И шел на него, и уносился прочь, как дикий зверь, как человек, не прирученный к смыслу начала за концом.

— Я пережил еще не все грани ужаса и отвращения? Чего вы все добиваетесь?

Собственная привычная злость иссякала очевидностью ответов, которые еще не нашли надежных слов. Каменный Ворон скорбно склонил массивную птичью голову:

— Чего добиваюсь я. Не мы. Здесь я один, остальных Барьер Хаоса не пропустил. Впрочем, я и так последний. Последний из тринадцати, лишний из дюжины. Против Змея и его Вестника. А ты помог мне с этой тварью. Но чтобы победить его, ты должен узнать, кто главный в этом улье.

— Значит, не до конца... — Досада жгла, как ядовитый перец, все в разодранной груди. — А ты не знаешь?

— Нет. В мире Змея я почти ничего не знаю. Он установил здесь свои правила. Здесь даже время течет иначе. Оно какое-то... ненадежное и мягкое, можно менять как вздумается.

— И кто же ты?

— Тринадцатый Проклятый, неудавшийся Страж Вселенной. Совсем не тот Спаситель, которого ждал святитель Гарф, но все же выступаю против Змея.

— Почему?

— Потому что однажды асуры захватили мой мир Бенаам. Их жадность, рожденная из пороков людей, велит поработать все новые и новые миры. Но оба великих асура заперты. Один в мире Бенаам, другой здесь, в Хаосе. Сам себе соткал ловушку. И с тех пор как пал мой мир, мы ищем способ уничтожить их. Пока добрались до Змея.

— И не знаете, как его победить...

— Пока не знаем. Но узнаем, если ты поможешь.

Ответы Стража Вселенной не приносили облегчения. Толща воды давила все сильнее. Страшно застыть в бессмысленном нигде. Каленым хрусталем расколотой люстры впивались иглы, резали ножи.

Он видел, как танцует с Джолин в алом платье посреди сожженного бального зала, но лица гостей скрывали бессчетные маски театра но. Приглашенные на пиршество вонзали друг в друга острые клыки.

Он давился словами в попытках дозваться хоть кого-то, хоть одного. Но уносились все, растворялись, и Джолин вместе с ними. Оставалась потухшая люстра, сорвавшаяся с потолка. И ложный свет скользил по псевдолицам, не различая дня и ночи. Запах разложения полз из углов, кропленных не водой, а протухающей кровью вне отражений, света и огня. Жуткий пламень селился в легких в странствии сквозь бред.

В часах его иссяк песок, осталась зола, горячая во рту. Скорее б завершенье... И лишь бы прекратился этот бег сквозь падение в толщу вод застенного моря.

Он немо просил и ждал конца всех меркнувших начал. Но Каменный Ворон смотрел угрюмо, с нескрываемой печалью, а потом крылья обернулись руками. Птичий образ сменился чело-вечьим, и несколько черных перьев упали на рваные раны.

— Змей — это Хаос. А его Вестник — смерть. Ты сразился со смертью, как я сражался с Хаосом. Ты помог мне возле Айгрежи. Теперь я помогу тебе. Это мне под силу.

Каменный Ворон коснулся его. Его, охотника по имени Джоэл. Вернул бестелесному духу имя, примотал жесткой бечевкой к истерзанному телу, починил что-то внутри. Разваленные оболочки сцепились новыми клетками, выстроив мосты рубцов. Но боль не иссякла, и раны бугрились свежими швами.

Джоэл видел себя с высоты, из колодца грядущих свершений, что обрушивался с потолка больничной палаты, растекаясь рядом ми заполненных коек. В ночь нападения Вестника Змея досталось не только ему, но его предсмертное ложе отгородили глухими

ширмами. У дверей госпиталя Цитадели толпился народ, слетаясь, как мухи на мед у разоренного улья. Он иссяк, но тяжко ужалил, так тяжко, что дух не желал возвращаться, скитаясь сквозняком коридоров. И все же... где-то слышался плач. Где-то голос знакомый.

— Джо, родной, не умирай! Не умирай! — заклинал, конечно, Ли, глухо, тяжело и испуганно. А плач... Неужели Джолин? Или все только видения? Говорили, что мозг в секунды перед смертью прокручивает разом вместе память и фантазии, и это принимается меркнувшим сознанием за потусторонний сладкий мир. Но если так, то с кем он говорил? И с кем сражался среди линий? И как ходил вне тела?

Снова окружали линии, перекрывая светом мерцанье лампочек. От каждого слова дорогих друзей зажигалось по новой серебряной нити, которые тянулись в палату к расprostертому телу.

«Надо вернуться. Я должен! — кричал он себе, беззвучно ступая по стенам. — Ждите меня, я иду! Уже иду... Я иду».

Он приближался к своему телу и откатывался назад, как на волнах, как плохой ныряльщик, который не научился плавать. А за ширмой сначала толпились врачи, потом подходили люди. Первым Джоэл узнал сухопарую фигуру высокого старика, реликта Цитадели, который покинул заповедный арсенал.

— Если ты умрешь, мне придется забрать свой меч. Но я уже разбил витрину. Так что не умирай, — говорил старец, хмуря седые брови.

Усталый долговязый дед, легендарный Нейл Даст, ископаемый охотник, обреченный жить так долго, чтобы увидеть смерти всех, с кем сражался плечом к плечу, кого знал, кого любил. Джоэл же хотел вернуться к тем, кто его ждал.

Он кинулся вперед, борясь с волнами воздуха, которые отгоняли его обратно в вечный сквозняк коридоров. Белые линии обещаний и надежд помогали найти ориентиры. И он возвращался, неохотно вплавляясь в искаленную плоть. Иногда принять боль — единственный способ вернуться к жизни. И с усилием, как для самого мощного удара, Джоэл приоткрыл спекшиеся веки. Но ничего не увидел от застилающих горящие глаза слез и черно-

белой рябщей мути. Зато, пока неуверенно моргал, отчетливо услышал ликующий голос:

- Он очнулся! Очнулся!
- Это хороший признак.
- Джо! Джо!
- Он еще не может говорить. Все, господин Ли, время посещения закончено.

— Я здесь всего пять минут! Но как же...

— Закончено...

Эхо чуждого запрета. И снова темнота. Не на час, не на десять часов, а на дни или, может, года, Джоэл уже и не знал. К лицу привязали-прилепили какую-то маску, слышалось шипение кислородных баллонов — новейшее изобретение для тех, кому не хватало воздуха, кто не мог самостоятельно дышать.

Казалось, что удастся вдохнуть полной грудью, только если сорвать проклятушую маску, но руки и ноги почти не двигались, трепыхались, как у рыбы на суше. Сам не верил, что только недавно с легкостью горной кошки носился по крышам, а потом рубил легендарного сомна. Теперь пребывание в сознании хотя бы на пару часов превратилось в чудо из чудес. Но зато канул лес черно-белых линий, он больше не видел его, не слышал голосов со всех концов мира. Странное сожаление ледяным осколком застряло под сердцем.

Или просто хирурги не вытащили обломки когтей всех чудовищ, что сдирали с него плоть в ту роковую ночь? Он слабо задушивался, все больше страдал, но отныне дух заперла клетка тела, поймала обратно, присвоила, не желая расстаться до срока. И в какие-то дни Джоэл радовался, в какие-то сокрушался. Дни? Недели? Года? Все еще не осознавал до конца.

Постепенно он понимал: эти раны не идут в сравнение с полученными за все предыдущие годы, что означало лишь одно — конец работы, службы и смысла, которым он оправдывал свое существование. Но нет, он радовался, радовался, когда видел Ли, живого и невредимого. Родной друг мелькал где-то возле ширмы. Хотелось позвать его к себе, попросить оставить их вдвоем, но голос вырывался хриплым дыханием. И каждый вдох

отвоевывался, как крошечные пяди мостовой под натиском чудовищ. А за окнами, забранными жалюзи, плавилось и набухало лето, проходящее мимо него, мимо его терзаний и бессилия.

Дни катились за днями, пролетали и одновременно тянулись бесконечно долго на грани забвения и мучительного удушья. Джоэл немо просил: «Откройте окно, умоляю, откройте. Воздуха! Воздуха!»

Страж Вселенной исцелил лишь одну — смертельную — рану. Другие не тронул, не позволил встать и сражаться дальше. Давила неизвестность, за пределами ширмы город перестал существовать.

— Джо, ты только очнись, — шептали голоса, много голосов-теней. Друзья? Среди них слабо узнавались лица и образы. Хотелось ответить им, но все еще не получалось. И ускользало время, унося ясность мыслей.

Полосатый свет Желтого Глаза сменялся красным заревом. Но все оставалось по-прежнему: в госпитале всегда висели усиленные Ловцы Снов. Судя по рыку в одну из ночей, кто-то обратился, и вместо лечения его немедленно убили. Раньше Джоэл не замечал, что раненых приковывают к кроватям, теперь почувствовал, что пристегнут кожаным ремнем, обвитым вокруг левой лодыжки. Пусть так. Он отчего-то знал, что не обратится. Он не видел снов, он носился сквозняком коридоров. Возвращали его голоса, отвлекали от мерцания лампочек, от странствия по спиралям накаливания, которые лопались и меркли от прикосновений призрака. Лампочки и голоса, мятежный, наиболее громкий тревожный голос:

— Господин Марквин! Вы колете ему слишком много стимуляторов! Сердце не выдержит!

Родной Ли. Где-то рядом, всегда рядом, каждый день. Иногда доносился его размеренный голос прямо над ухом: он читал стихи. Наверное, сидел на табурет возле изголовья, открывал потрепанную книжечку, память о его матери и славных предках, и воспевал древние узоры слов. Или все сон? Воспоминания? Джоэл не знал, но ныне Ли бунтовал, требовал ответов. Все где-то за ширмой.

— Охотник Ли, не мешайте работе врачей, — отвечали холодной бесстрастностью. — Без стимуляторов с такой кровопотерей он не выживет. Вы сделали все, что могли, когда принесли его в Цитадель.

— Пойдем, Ли, нам и правда лучше не мешать. Когда лечили Энн, мне сказали, что это новые специальные стимуляторы.

Батлер! Наверняка тихий голос принадлежал ему. Он всех уговаривал, призывал к умеренности и разумности. Но теперь Джоэл и сам соглашался с Ли. Стимуляторы... Для чего? Они не помогли, когда он сражался с легендарным сомном, иссякли за жалкие доли секунды, вся норма, выданная на ночь дежурства. Или тогда просто время свилось в тугой узел, закруженное подлым Змеем? Ответы терялись, а перемешанное бредом и снадобьями сознание не позволяло выстроить верные догадки.

— Да что ты о них знаешь? — негодовал Ли. — Хоть кто-нибудь знает, что нам колют? Я не позволю...

— Уведите его, Батлер, уведите. Охотник Ли, если вы не прекратите, то мы будем вынуждены...

— Когда он очнется? Когда? — перебивал Ли.

— Он уже очнулся. Но пока не может с нами говорить, — уверещевал Батлер. Все голоса доносились как из-за стены.

Ширма, проклятая ширма, которая все еще отделяла от мира. Хотелось бы вытянуть руку и отдернуть эту занавесь, но пальцы едва шевелились. Сосуд для неукротимого духа пришел в полную негодность, налился ватной неловкостью и свинцовой тяжестью. Время, просто нужно время. Терпение. Джоэл умел терпеть, но тоска бессилия давила крышкой гроба.

Перепахавшие тело швы наливались красным, две или три глубокие раны от зубов монстров загноились, вызывая жжение в правой ноге. Похоже, откромсали от голени несколько пластов мышц. Порванное легкое и вспоротый левый бок отзывались неизменной тупой болью.

Но Джоэл знал, что Страж Вселенной повелел ему выжить. Вот он и выжил, выкарабкался, как упрямый сторожевой пес, который обязан возобновить службу. И однажды утром увидел

мир вокруг яснее обычного. Просто проснулся, ощущая непривычную легкость на лице: убрали маску, он дышал обычным воздухом, а не смесью из баллонов. Он просто дышал и оттого как будто парил в невесомости. Джоэл задумчиво лежал, уставившись в потолок, не выворачивая шею в попытках хоть что-то разглядеть.

— Я... есть... я... есть, я здесь, — медленно просипел он. Язык ворочался с трудом, а еще хуже работала гортань. Но он говорил. Пока не двинулся, но хоть что-то. Хоть что-то.

И так, в невесомости, прошло еще несколько дней. Он не знал, сколько именно, — разучился считать в сменах сонливости и мелькании смутных образов. Лето давило жарой, где-то вращались лопасти вентиляторов — хорошее изобретение эпохи до Хаоса, которое они еще не утратили.

Доносилась прохлада, воздух снова учился верно циркулировать по легким, измученным рубцами. И голос вернулся, пока тихий и неверный, но все же голос. И возможность самостоятельно дышать. В сражениях со своим смертным телом и такие победы порой воспринимаются как чудо.

— Джолин, заходи, — донесся однажды утром из-за ширмы мирный голос Ли, почти радушный. И чьи-то легкие шаги, стук низких каблучков знакомых сапожек. Сколько раз Джоэл слышал их дробный тихий гул по брусчатке разбитой мостовой? Последний раз этот звук донесся на рассвете, когда он распластался в луже крови.

Джоэл замер, как перед броском, сердце зашлось невероятной надеждой. Ширма отодвинулась, и вот он увидел отчетливо и ясно Ли, а за ним — нерешительно ссутулившуюся Джолин в сером платье, без корзины, лишь с небольшим свертком ненужных гостинцев. Главный подарок — ее визит.

— Джолин... это ты нашла меня, — почти без запинки проговорил Джоэл.

Она кивнула, чуть не плача, бледная, но радостная. На щеках ее пламенел лихорадочный румянец.

— Джоэл, вы могли погибнуть. Вы... Ты... Джо! — вырвалось у нее, как будто она тоже разучилась говорить.